

Федирко Оксана Петровна**Fedirko Oksana Petrovna**

доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
социально-политических исследований
Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН

D.Phil. in History, Associate Professor,
Leading Research Fellow,
Social and Political Studies Department,
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the People of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД С 1980-Х ДО 2019 Г.

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE CHANGING RELIGIOUS SITUATION OF THE RUSSIAN FAR EAST BETWEEN THE 1980S AND 2019

Аннотация:

Статья посвящена новейшей истории государственно-конфессиональных отношений в России. Автор, оценивая степень влияния глобализации на религиозную жизнь Дальневосточного региона, выделяет периоды трансформации последней. Период с конца 1980-х по 1997 г. характеризуется мощными интеграционными процессами на постсоветском пространстве. Дальний Восток России становится территорией столкновения внешнеполитических интересов соседних государств, местом, куда устремляются иностранные миссионеры, чья деятельность направлена как на помощь уже существовавшим религиозным объединениям, так и на распространение новых, нетрадиционных для региона учений. С 1997 г., после принятия федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», начинается новый период, в основе которого лежат процессы дезинтеграции. Общины, которые относились к новым религиям и создавались иностранцами с привлечением огромных финансов, но не имели этнической и культурной почвы в регионе, не выдержали испытания временем и утратили влияние на локальный социум. Протестантские организации, традиционные для региона, оформились организационно, приобрели устойчивый статус партнера государства в социокультурном пространстве Дальнего Востока и России в целом. Большинство дальневосточных протестантских конфессий в этот период начали самостоятельные миссионерские программы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Принятие в 2016 г. антитеррористического законодательства, известного как «пакет Яровой», усилило дезинтеграционные тенденции в сфере международных контактов дальневосточных конфессий. Процессы глобализации ограничались постсоветским пространством и ближним зарубежьем. На фоне постоянной угрозы со стороны государства протестантские конфессии снизили свою активность в социальном пространстве региона. В этот период завершилось формирование исламской составляющей в религиозной жизни Дальнего Востока.

Ключевые слова:

религия, государство, конфессиональный ландшафт, глобализация, интеграция, дезинтеграция, религиозное возрождение, христианство, протестантизм, ислам, российский Дальний Восток.

Summary:

The study explores the recent history of state-religious relations in Russia, which began in the late 1980s. The author assesses the impact of globalization on the religious life of the region, highlights periods of transformation of characterized process. The period from the late 1980s to 1997 is characterized by powerful integration processes in the post-Soviet space. The Russian Far East is becoming a clash of foreign policy interests of neighboring states, a place where foreign missionaries flock, whose activities are aimed both at helping existing religious associations, and at disseminating new teachings that are not traditional for the region. Since 1997, after the adoption of the federal law On Freedom of Conscience and on Religious Associations, a new period begins, which is based on disintegration processes. Communities that belonged to new religions and were created by foreigners with enormous finances, but did not have ethnic and cultural grounds in the region, could not stand the test of time and lost influence on the local society. Protestant organizations traditional for the region took shape organizationally, acquired a stable status of a partner of the state in the sociocultural space of the Far East and Russia as a whole. Most Far Eastern Protestant denominations during this period began independent missionary programs in the countries of the Asia-Pacific region. The adoption in 2016 of anti-terrorism legislation, known as the Yarovaya package, intensified disintegration trends in the field of international contacts of Far Eastern faiths. The processes of globalization were limited to the post-Soviet space and neighboring countries. Against the backdrop of a constant threat from the state, Protestant denominations reduced their activity in the social space of the region. During this period, the formation of the Islamic component in the religious life of the Far East was completed.

Keywords:

religion, state, religious landscape, globalization, integration, disintegration, religious renaissance, Christianity, Protestantism, Islam, Russian Far East.

Важнейшими последствиями перестройки в СССР стали трансформация экономической, политической, культурной и религиозной жизни страны, ориентация на мировые интеграционные и унификационные процессы. Как справедливо отмечает Е.С. Элбакян, «глобализация меняет экономическую, социальную, культурную и информационную среду обитания человека» [1, с. 150]. Падение «железного занавеса» значительно расширило культурные контакты между международными партнерами. Это привело к изменению религиозной картины мира и формированию нового конфессионального пространства в ряде регионов Российской Федерации в результате деятельности иностранных миссионеров, появлению конфессий, которых здесь раньше не было, и (или) возрождению давно утраченных религиозных традиций. Наиболее активно эти процессы протекали на территории российского Дальнего Востока.

Можно утверждать, что в процессе глобализации не только усилилось взаимодействие религий между собой, но и сформировался особый тип миссионерской культуры. Значительную роль в популяризации знания о конфессиях, в том числе о новых нетрадиционных религиях, сыграли средства массовой информации.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России начался процесс, который современники именovali религиозным возрождением. Это явление имело как общие черты, характерные для всей России, так и специфические, присущие каждому отдельному региону страны. К общим чертам можно отнести рост числа религиозных объединений и религиозно мотивированной духовности населения. В то же время региональные особенности формирования религиозного ландшафта в той или иной степени были связаны с процессами глобализации.

С конца 1980-х гг. до настоящего времени на российском Дальнем Востоке значительно изменился не только спектр действующих религиозных объединений, но и их влияние на дальневосточное общество, в том числе характер взаимоотношений с органами власти. Произошли изменения и во внутрицерковной жизни конфессий.

В рамках исследования делается акцент на оценке фактора глобализации как причины происходивших процессов, на выявлении особенностей конфессиональной ситуации на российском Дальнем Востоке с конца 1980-х гг. до настоящего времени.

Основными методами исследования являются сравнительно-исторический, историко-генетический и историко-системный, которые позволили рассмотреть процесс изменения конфессионального ландшафта российского Дальнего Востока в исследуемый период, определить его особенности и место религии в жизни дальневосточного населения.

Историография влияния процессов глобализации на изменение конфессиональной ситуации на территории постсоветского пространства достаточно обширна и может быть обобщена в рамках нескольких проблемных групп. Первая группа представляет собой религиозоведческий анализ, предпринятый историками, религиоведами и философами, охватывает значительный объем исследований, рассматривающих трансформацию российского общества в религиозной сфере в ситуации внешнего воздействия. В качестве иллюстрации данного подхода можно отметить работы В.В. Шмидта [2], Е.С. Элбакян [3], М.И. Одинцова [4], Т.А. Чумаченко [5], И.И. Масловой [6], М.П. Свищева, Н.А. Трофимчука [7], С.М. Дударенок [8] и др. Вторая группа – это изыскания, предпринятые преимущественно юристами с целью оценки конфессиональной ситуации в регионах с позиции анализа правовых аспектов, регламентирующих государственно-конфессиональные отношения. Среди работ этой группы отметим статьи Ю.И. Деревянченко [9], А.В. Пчелинцева [10], М.О. Шахова [11] и др., монографии [12] и сборники статей [13], изданные на Дальнем Востоке и в других регионах.

Отмечая обширность историографической базы, подчеркнем, что новизна настоящего исследования заключается в обобщении ранее полученных данных о влиянии глобализации на региональную конфессиональную картину, сложившуюся на российском Дальнем Востоке.

Дальний Восток с момента вхождения в состав России в середине XIX в. формировался как многонациональный и поликонфессиональный регион. Главной особенностью заселения и освоения территории являлась ее удаленность от центральных районов России и соответствующая этому специфическая миграционная политика. До революции Дальний Восток был убежищем в том числе и для религиозных диссидентов, а в период репрессий население региона пополнилось бывшими заключенными ГУЛАГа, оставшимися на данной территории после отбытия наказания, в том числе и за свои религиозные взгляды.

Миграция на Дальний Восток верующих, стремившихся получить здесь относительную свободу, скрываясь от преследования государственных органов на стройках различных масштабов, продолжалась весь советский период [14, с. 4]. Таким образом, сложился особый конфессиональный ландшафт Дальневосточного края, где наряду с религиозной индифферентностью большей части населения действовали традиционные для региона конфессии: православие

(Русская православная церковь (Московский патриархат) (РПЦ (МП)) и старообрядство), протестантизм (баптизм, адвентизм, пятидесятничество). Лютеранство, пресвитерианство, методизм и католицизм перестали существовать в результате репрессивной политики Советского государства 1930-х гг. [15, с. 732].

В ходе перестройки культурные и межконфессиональные контакты советских граждан с зарубежными единоверцами активизировались, что значительно повлияло на трансформацию религиозной жизни в СССР, в ходе которой можно выделить несколько этапов.

Первый этап датируется концом 1980-х гг. – 1997 г. и характеризуется интеграционными процессами.

Новые религии в СССР стали появляться в 1970-е гг. Это были такие организации, как Международное общество сознания Кришны, «Дети Бога», Международная коллекция санясинов, Церковь саентологии, «Ананда Марга» и др. Но наибольшее распространение нетрадиционные религии получили в 1980–90-е гг., «в «расцвет» перестройки, когда М.С. Горбачев, Р.И. Хасбулатов, А.И. Руцкой, Ю.М. Лужков, О. Лобов наперегонки обнимались с Муном, Асахарой, сайентологами, мормонами, свидетелями «новой» истины» [16, с. 18].

Глобализация может протекать по-разному для различных регионов одного и того же государства: одни становятся «воротами в глобальный мир», а другие оказываются вне глобализационного пространства, но в интеграцию государство включается целиком.

Дальний Восток России наряду с Москвой и Санкт-Петербургом в 1990-е гг. стал «излюбленной» территорией деятельности иностранных миссионеров. В большей степени их воздействию подвергся Хабаровский край, в меньшей – Чукотка, а особую привлекательность приобрели приграничные территории (Амурская область, Приморский край), с которых в начале 1990-х гг. сняли режим пограничной зоны [17, с. 66]. При этом их деятельность была направлена как на помощь уже существовавшим религиозным объединениям, так и на распространение новых, нетрадиционных для региона учений.

По мнению С.М. Дударенок, «в значительной степени укреплению позиций методистов, пресвитериан, а также евангельских христиан, которых в регионе насчитывается более 55 объединений, способствовала деятельность зарубежных религиозных миссий, которые активно начали работать на территории Дальнего Востока после принятия Закона РСФСР «О свободе вероисповедания» (1990)» [18, с. 448]. Выявляя особенности новых религий в Дальневосточном регионе, С.М. Дударенок отмечает, что для многих адептов принятие учения данных нетрадиционных религий являлось «транзитным», что активное и динамичное развитие в 1990-е гг. на Дальнем Востоке нетрадиционных религий «обусловлено как глобальными трансформациями, так и комплексом причин сугубо отечественного характера, породивших в сознании жителей ощущение бесперспективности жизни, невозможности достичь гармонии в обществе, осуществить в нем гуманистические идеалы» [19, с. 130].

К середине 1990-х гг. конфессиональное разнообразие на российском Дальнем Востоке достигало 60–70 деноминаций, среди которых были как зарегистрированные, так и незарегистрированные религиозные общины, а также группы, существовавшие в статусе общественных организаций.

Таким образом, в конце 1980-х – 1990-е гг. население региона испытывало на себе активное воздействие международных миссионерских организаций с целью вовлечения в религиозные группы. Для этого использовались различные средства (финансовая и гуманитарная помощь, сеть образовательных учреждений, организация паломничества и др.) и методы (просвещение, НЛП и др.).

После событий, связанных с экстремистской деятельностью религиозных групп «Аум синрикё» (запрещена в РФ. – *Примеч. ред.*) и «Белое братство», Россия, как федерация, наконец, вводит защитный барьер в виде Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Предыдущий закон 1990 г. отстранял государство от контроля за деятельностью религиозных объединений, чем создал условия для их стремительного включения в процессы глобализации, часто носившие агрессивный характер. Закон РФ 1997 г. позволил центральной и региональной властям принять участие в регулировании религиозной жизни, тем самым заложив базу для начала дезинтеграционных процессов [20, с. 21].

Характер государственно-конфессиональных отношений в РФ, сложившихся после принятия нового законодательства, позволяет, на наш взгляд, выделить в этом процессе новый этап, начавшийся в 1997 г.

Оценивая роль религии в глобализирующемся мире, П.Ф. Бейер указывает на «две возможности: религия либо ограничивается частной сферой, обслуживая религиозный выбор людей, либо активно вторгается в политическую и общественную сферы. Во втором случае также

существуют две возможности: экуменическая, учитывающая глобальные проблемы, порождаемые глобализацией и дифференциацией общества, или политическое движение, отстаивающее культурную самобытность и особенность определенного региона. В настоящее время преобладает второй вариант» [21, р. 80].

Общины, которые относились к новым религиям, создавались иностранцами с привлечением огромных финансов и не имели при этом этнической и культурной почвы в регионе, как оказалось, не выдержали испытания временем и утратили свое влияние на локальный социум.

К 2005–2007 гг. для протестантских организаций, представляющих традиционные для российского Дальнего Востока религии, отпала необходимость в приглашении иностранных миссионеров для активизации религиозной жизни местных общин. Последние оформились организационно, приобрели устойчивый статус партнера государства в социокультурном пространстве Дальнего Востока и России в целом. Эти объединения никогда не зависели от иностранного капитала, а лишь использовали его в качестве дополнительных средств для оказания помощи социально незащищенным слоям населения. В рассматриваемый период происходит укрепление позиций РПЦ (МП) и традиционных конфессий Дальнего Востока, а с середины 2000-х гг. – ислама.

Расширение влияния РПЦ (МП) связано в первую очередь с поддержкой, гласно и негласно оказываемой государством. Как верно отмечает И.И. Маслова, «православное духовенство в XX в. хотя и считалось “обреченной”, с точки зрения власти, социальной группой, но привлекало постоянное внимание партийно-государственных структур» [22, с. 826]. По словам К. Русселе, «церковь... осуществляет свою миссию в рамках региональной интеграции, ...защищая территорию своей юрисдикции» [23, р. 186]. Неправославные конфессии, традиционные для Дальнего Востока (прежде всего протестантские церкви), между тем пошли по пути развития форм межпротестантского сотрудничества.

Несмотря на стремительную политизацию религии (вплоть до 2016 г. исследователи отмечают солидарный характер деятельности религиозных объединений и государства, получивший статус «социального партнерства»), государство ограничило право религиозных объединений как на помощь от международных религиозных центров, так и на приглашение миссионеров из-за рубежа. Однако именно в этот период большинство дальневосточных протестантских конфессий запустили самостоятельные миссионерские программы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Высокое социальное напряжение, вызванное террористической угрозой в Европе в 2013–2016 гг., создало предпосылки для принятия нормативной базы, существенно ограничивающей права и свободы граждан [24, с. 29]. Россия, не оставаясь в стороне от этих процессов, в 2016 г. принимает так называемый «пакет Яровой» – два законопроекта, устанавливающих новые запреты в различных сферах жизни общества. Несмотря на обращение общественных организаций и политических партий в Совет Федерации с предложением отменить указанные нормативно-правовые акты, два федеральных закона – № 374 и 375 от 6 июля 2016 г. вступили в силу.

В условиях действия «пакета Яровой» в религиозной сфере стали иметь место непредсказуемые явления, в частности административная ответственность за нарушение порядка миссионерской деятельности (ст. 5.26 КоАП РФ). В ходе обсуждения закона его авторы поясняли, что этот пункт направлен против проповедников радикального ислама. Но на практике к ответственности по ст. 5.26 КоАП РФ за время действия законов привлекались в основном протестанты из числа евангельских движений (баптисты, адвентисты, пятидесятники и др.). Это объясняется рядом причин, среди которых одной из главных является отсутствие специальных знаний в области религиоведения у представителей властных органов. А так как часть чиновничьего аппарата активно демонстрирует свою приверженность православию и собственные оценки о деятельности конкретных религиозных деноминаций, эти обстоятельства вполне могут влиять на его предвзятое отношение к представителям других конфессий. Протестанты же оказались самыми доступными, малочисленными и незащищенными, и из-за стремления администрации сообщить о выполнении антитеррористических мероприятий именно они стали объектом применения «пакета Яровой». Под удар антитеррористических мероприятий попали и российские мусульмане. В обществе формируется настороженное, подчас агрессивное отношение к исламу и мусульманам [25, с. 76].

Такого рода имитация работы может привести не только к разделению общества на «своих» и «чужих», но и к отвлечению внимания от тех групп, на пресечение деятельности которых был направлен закон. Таким образом, непродуманное применение западного опыта оказало крайне негативное влияние на хрупкий мир, установившийся в конфессиональном пространстве России накануне 2017 г.

Эти тенденции не обошли стороной и Дальневосточный регион.

По мнению Н.В. Шульженко, «сухопутная граница России с исламским миром... дает прямое соприкосновение в том числе и с “воинствующим исламским экстремизмом”, ставит Российскую Федерацию первым эшелонном классического многовекового противостояния: “Север – Юг”,

«Азия – Европа» [26, с. 154]. Таким образом, с учетом направленности миграционных процессов Дальний Восток России занимает особое место в системе связей «Европа – Россия – АТР».

Активность мусульман на Дальнем Востоке России, демографические перемены в регионе вписываются в общий контекст продвижения ислама на территорию Российской Федерации в восточном и северном направлениях – на Урале и в Сибири. Несмотря на географическую удаленность от конфликтов, связанных с активностью радикального ислама, Дальний Восток не является территорией, полностью от них изолированной. Повсеместно формируются ячейки исламистов, состоящие из представителей разных этносов. Главную роль в них играют мигранты из Центральной Азии [27, с. 211].

Но именно на Дальнем Востоке России нет ни одного специалиста по арабскому языку, в связи с чем оперативная экспертиза материалов, размещенных в сети Интернет и в печатных изданиях, крайне затруднена. В то же время в отношении религиозных организаций протестантского толка, действующих на законных основаниях на территории российского Дальнего Востока, за 2018–2019 гг. возбуждено 5 административных дел, а на верующих, принадлежащих к запрещенной в России религиозной организации «Свидетели Иеговы», заведено 8 уголовных дел.

Таким образом, процессы трансформации религиозного ландшафта Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. тесно связаны как с вероисповедной политикой Российской Федерации, так и с ходом мировой глобализации. Однако степень влияния глобальных процессов на положение религиозных объединений в регионе нельзя недооценивать. Получив значительный импульс в 1990 г., дальневосточные конфессии не только освоили новый опыт взаимодействия с единоверцами из других стран, но и смогли оценить новые формы и методы взаимодействия с государством как институтом власти. Остановить процесс вхождения религиозных объединений в геопространство мира и АТР невозможно, а запретительные меры, излишний административный контроль, необоснованные преследования со стороны правоохранительных органов, на наш взгляд, ведут к самым негативным последствиям в системе государственно-конфессиональных отношений.

Ссылки:

1. Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. 2013. № 3. С. 149–163.
2. Шмидт В.В. Религиоведение в системе вызовов и народохозяйственных задач России начала XXI в. // Религиоведческие исследования. 2015. № 1 (11). С. 167–190.
3. Элбакян Е.С.: 1) Глобализация в эпоху религии ... ; 2) Обзор религиозно-конфессиональной ситуации в странах постсоветского пространства и Восточной Европы : монография : в 2 ч. М., 2012.
4. Одинцов М.И.: 1) Вероисповедные реформы в России (1985–1997 гг.) // Религия и право. 1999. № 2. С. 2–18 ; 2) От государства конфессионального к государству светскому: российский путь. 1917–2017 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сборник статей / отв. ред. О.П. Федирко. Вып. 14. Владивосток, 2018. С. 12–32.
5. Чумаченко Т.А. Внешнеполитическая деятельность Московской патриархии. 1943–1946 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сборник докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций 2002–2004 гг. / редкол. Е.Н. Мельникова, М.И. Одинцов. Владивосток, 2004. С. 547–586.
6. Маслова И.И. Социально-исторический портрет православного духовенства (XX век) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 821–826.
7. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М., 2000. 218 с.
8. Дударенок С.М.: 1) Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2004. 532 с. ; 2) Религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: история и современность // Россия и АТР. 2001. № 2 (44). С. 130–140.
9. Деревянченко Ю.И. Нормативно-правовые основы системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 4 (28). С. 62–67.
10. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 331 с.
11. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 877 с.
12. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.) : монография : в 2 кн. Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А.С. Ващук, А.Е. Савченко, Ю.Н. Ковалевская, Л.А. Крушанова, Е.В. Галенко, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, А.П. Коняхина. Владивосток, 2014. 360 с.
13. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сборник статей / отв. ред. О.П. Федирко. Вып. 14. Владивосток, 2018. 345 с.
14. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. 512 с.
15. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина ; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток, 2016. 939 с.
16. Дударенок С.М. Нетрадиционные религии ... С. 18.
17. Федирко О.П. Миссионерство – та же дипломатия: иностранные религиозные миссии в Амурской области в постперестроечный период [Электронный ресурс] // Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.) : материалы круглого стола 10 октября 2017 г. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток, 2017. С. 64–70. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/rt-soc-85-15.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).
18. Дударенок С.М. Нетрадиционные религии ... С. 448.
19. Дударенок С.М. Религиозная ситуация ... С. 130.
20. Одинцов М.И. От государства конфессионального к государству светскому ... С. 21.

21. Beyer P.F. Privatization and Public Influence of Religion Society // *Globalization: Critical Concepts in Sociology* / ed. by R. Robertson, K.E. White. L., 2003. Vol. 5. P. 71–90.
22. Маслова И.И. Указ. соч. С. 826.
23. Rousselet K. Globalisation et territoire religieux en Russie // *La Globalisation du Religieux* / J.-P. Bastian, F. Champion, K. Rousselet (eds). Paris, 2001. P. 183–196.
24. Злотникова Е.В. Ограничение демократических прав и свобод государства в период повышенной террористической угрозы: прихоть правительства или необходимость? [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «ГосРег». 2016. № 3. С. 29–31. URL: <http://gosreg.amchs.ru/polit-problem-gosreg/zlotnikova-e-v-ogranichenie-demokraticheskix-prav-i-svobod-gosudarstva-v-period-povyshennoj-terroristicheskoy-ugrozy-prixot-pravitelstva-ili-neobxodimost.html> (дата обращения: 12.11.2019).
25. Акаев В.Х. Исламские традиции и новации в современной России: противоречивые проявления // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2016. № 1 (86). С. 75–80.
26. Шульженко Н.В. Вхождение мусульман в структуру социума Дальнего Востока // *Власть и управление на Востоке России*. 2009. № 1 (46). С. 153–162.
27. Малащенко А.В., Старостин А.Н. Ислам на российском Дальнем Востоке // *Россия в глобальной политике*. 2016. Т. 14, № 4. С. 196–212.

References:

- Akayev, VKh 2016, 'Islamic Traditions and Innovations in Modern Russia: Contradictory Manifestations', *Gumanitarnye i socialno-ekonomicheskie nauki*, no. 1 (86), pp. 75-80, (in Russian).
- Beyer, PF 2003, 'Privatization and Public Influence of Religion Society', in R Robertson & KE White (eds), *Globalization: Critical Concepts in Sociology*, vol. 5, London, pp. 71-90.
- Chernolutskaya, EN 2011, *Forced Migrations in the Soviet Far East in the 1920–1950s*, Vladivostok, 512 p., (in Russian).
- Chumachenko, TA 2004, 'Foreign Policy Activities of the Moscow Patriarchate. 1943–1946', in EN Melnikova & MI Odintsov (eds), *Freedom of Conscience in Russia: Historical and Modern Aspects: a Collection of Reports and Materials from Interregional Scientific and Practical Seminars and Conferences in 2002–2004*, Vladivostok, pp. 547-586, (in Russian).
- Derevyanchenko, Yul 2018, 'Regulatory Framework for the Monitoring of Interethnic and Interfaith Relations', *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij*, no. 4 (28), pp. 62-67, (in Russian).
- Dudarenok, SM 2001, 'Religious Situation in the Russian Far East: History and Modernity', *Rossia i ATR*, no. 2 (44), pp. 130-140, (in Russian).
- Dudarenok, SM 2004, *Non-Traditional Religions in the Far East: History and Modernity*, Vladivostok, 532 p., (in Russian).
- Elbakyan, ES 2012, *Overview of the Religious Situation in the Countries of the Former Soviet Union and Eastern Europe*, Moscow, (in Russian).
- Elbakyan, ES 2013, 'Globalization in the Era of Religion, Religion in the Era of Globalization', *Religovedenie*, no. 3, pp. 149-163, (in Russian).
- Fedirko, OP 2017, 'Missionary Work – the Same Diplomacy: Foreign Religious Missions in the Amur Region in the Post-Perestroika Period', in AS Vashchuk (ed.), *Social and Political Reforms and the Transformation of Everyday Structures in Pacific Russia (1985–2015): Materials of the Round Table on October 10, 2017*, pp. 64-70, viewed 12 November 2019, <<http://ihaefe.org/files/publications/full/rt-soc-85-15.pdf>>, (in Russian).
- Fedirko, OP (ed.) 2018, *Freedom of Conscience in Russia: Historical and Contemporary Aspects: Collection of Articles*, no. 14, Vladivostok, 345 p., (in Russian).
- Larina, VL & Vashchuk, AS (eds) 2016, *History of the Russian Far East. Vol. 3. Book. 5. Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991*, Vladivostok, 939 p., (in Russian).
- Malashenko, AV & Starostin, AN 2016, 'Islam in the Russian Far East', *Rossiya v globalnoy politike*, vol. 14, no. 4, pp. 196-212, (in Russian).
- Maslova, II 2012, 'Social and Historical Portrait of the Orthodox Clergy (XX Century)', *Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, no. 27, pp. 821-826, (in Russian).
- Odintsov, MI 1999, 'Religious Reforms in Russia (1985–1997)', *Religija i pravo*, no. 2, pp. 2-18, (in Russian).
- Odintsov, MI 2018, 'From a Religious State to a Secular State: the Russian Way. 1917–2017', in OP Fedirko (ed.), *Freedom of Conscience in Russia: Historical and Modern Aspects: Collection of Articles*, Vladivostok, no. 14, pp. 12-32, (in Russian).
- Pchelintsev, AV 2012, *Religious Freedom and Religious Associations in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research*, Moscow, 331 p., (in Russian).
- Rousselet, K 2001, 'Globalisation et territoire religieux en Russie', in J-P Bastian, F Champion & K Rousselet (eds), *La Globalisation du Religieux*, Paris, pp. 183-196.
- Schmidt, VV 2015, 'Religious Studies in the System of Challenges and Economic Tasks of Russia at the Beginning of the XXI Century', *Religiovedcheskie issledovaniya*, no. 1 (11), pp. 167-190, (in Russian).
- Shakhov, MO 2019, *Legal Basis for the Activities of Religious Associations in the Russian Federation*, 3rd ed., Moscow, 877 p., (in Russian).
- Shulzhenko, NV 2009, 'The Entry of Muslims into the Society Structure in the Far East', *Vlast i upravlenie na Vostoке Rossii*, no. 1 (46), pp. 153-162, (in Russian).
- Trofimchuk, NA & Svishev, MP 2000, *Expansion*, Moscow, 218 p., (in Russian).
- Vashchuk, AS, Savchenko, AE, Kovalevskaya, YuN, Krushanova, LA, Galenko, EV, Gerasimenko, AP, Kovalenko, SG & Konyahina, AP 2014, *Historical Problems of Social and Political Security of the Russian Far East (Second Half of the XX – Beginning of the XXI Century). Vol. 1. Far Eastern Policy: Strategies for Social and Political Security and Implementation Mechanisms*, Vladivostok, 360 p., (in Russian).
- Zlotnikova, EV 2016, 'Restriction of the Democratic Rights and Freedoms of the State in Times of Increased Terrorist Threat: The Government's Whim or Need?', *Elektronniy nauchnyj zhurnal «GosReg»*, no. 3, pp. 29-31, viewed 12 November 2019, <<http://gosreg.amchs.ru/polit-problem-gosreg/zlotnikova-e-v-ogranichenie-demokraticheskix-prav-i-svobod-gosudarstva-v-period-povyshennoj-terroristicheskoy-ugrozy-prixot-pravitelstva-ili-neobxodimost.html>>, (in Russian).

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Ездина София Александровна